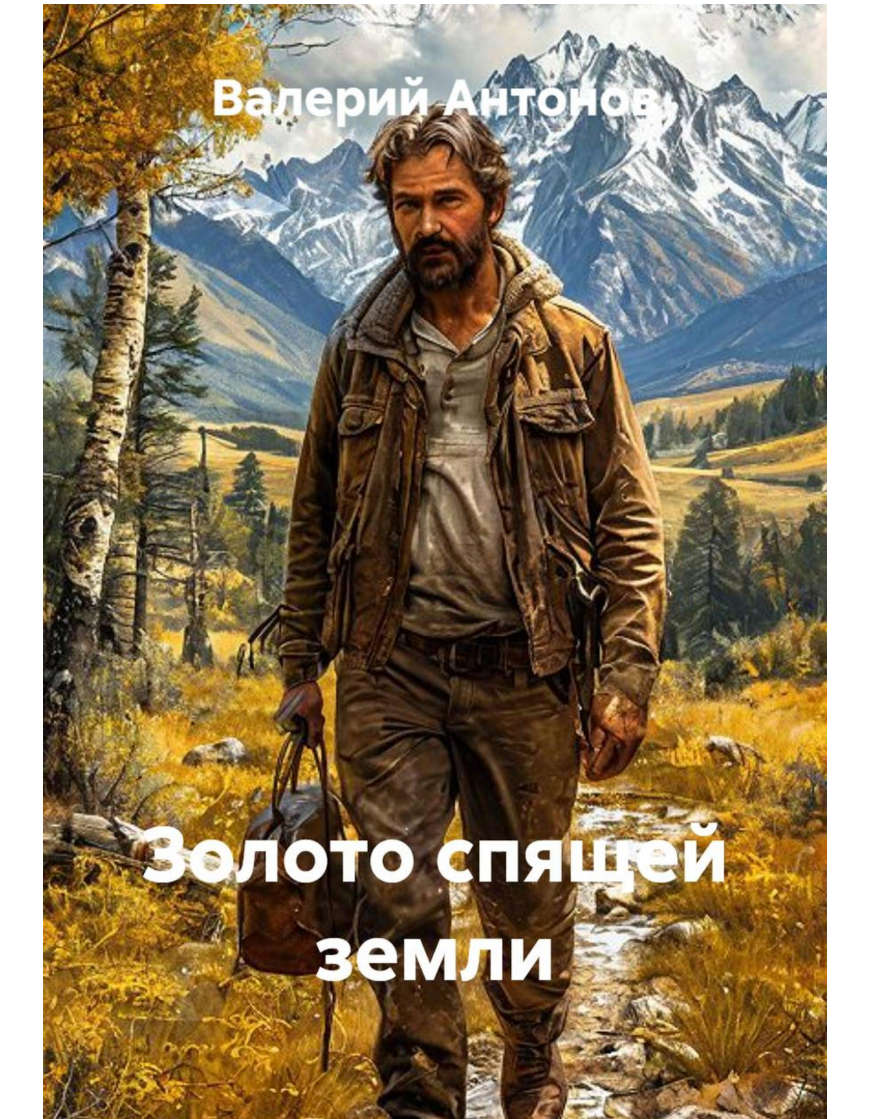

A man with a beard and long hair, wearing a brown leather jacket and pants, is walking through a mountain landscape. He is holding a brown leather bag in his right hand. The background features snow-capped mountains, a river, and trees with yellow autumn foliage. The text "Валерий Антонов" is written in white at the top, and "Золото спящей земли" is written in white at the bottom.

Валерий Антонов

Золото спящей
земли

Валерий Антонов

Золото спящей земли

<https://litres.ru/74408472>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пётр Ковалёв потерял отца в десять лет, мать — в двенадцать. Он выживал, обманывал, воровал, чтобы стать кем-то. Он уехал из России в Америку, надеясь начать всё сначала. Но земля, которую он купил в Техасе за бесценок, хранит тайну. Там, под слоем пыли и глины, лежит золото. Древнее, живое, пульсирующее. Оно не просто ждало его — оно выбрало его. Золото меняет Петра, забирает его сны, его семью, его самого. И когда он пытается бежать, он понимает: это не клад. Это дверь. А он — Хранитель.

Роман о том, как травма становится судьбой, как любовь проигрывает одержимости и как принять то, что нельзя изменить.

Золото Маккены существует. И оно всегда находит своего человека.

Содержание

Часть I. Корни	4
Глава 1. Смерть отца	4
Глава 2. Мама	11
Глава 3. Бабушкина коробка	19
Глава 4. Бабушкина вера	25
Глава 5. Золото Маккены	29
Глава 6. Школа	34
Глава 7. Чужой компьютер	40
Глава 8. Макс	46
Глава 9. Учёба на взломщика	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Валерий Антонов

Золото спящей земли

Часть I. Корни

Глава 1. Смерть отца

Ему десять. Он сидит на подоконнике, прижавшись лбом к холодному стеклу. По краям стекло подёрнуто ледяной корочкой, и от дыхания на нём расплывается мутное пятно. Пётр вытирает его рукавом — ткань мокрая, липнет к запястью.

За окном — ноябрь, слякоть, серые панельные пятиэтажки. Капли дождя стекают по стеклу, обгоняя друг друга. Одна задерживается дольше других, дрожит, будто хочет что-то сказать, и срывается вниз.

Отец умер утром.

Официально — сердце.

Так бабушка сказала Петру. Так она потом скажет соседям. Так запишут в свидетельстве.

Но Петру было десять, и он не спрашивал.

Он просто стоял у окна и смотрел, как дождь стекает по стеклу.

В комнате пахло лекарствами и пригоревшей картошкой. Точнее — сожжённым подсолнечным маслом, которое просочилось сквозь щели дверей и повисло в воздухе. К нему примешивался корвалол, валидол, камфара. Запах беды.

Пётр слышал, как гудят старые трубы отопления, как капает кран на кухне, как мерно урчит холодильник «ЗИЛ». Тишина после смерти оглушительна, и эти звуки — единственное, что не давало ей поглотить квартиру целиком.

Он пытался вспомнить отца.

Но вместо лица всплывали отдельные ощущения, обрывки, как старые фотографии, выцветшие по краям.

Отец пах табаком, машинным маслом и ещё чем-то сладковатым — не то леденцами, не то дешёвым одеколоном, которым он обтирался после работы. Этот запах был резким, но Петру нравился. Он означал, что отец рядом.

Руки у отца были большие, с тёмными трещинами на ладонях, с въевшейся под ногти грязью, которую не отмыть. Когда отец поднимал Петра, эти руки казались несокрушимыми. Но они же могли быть страшными.

Голос — низкий, с хрипотцой. Отец редко говорил ласково. Чаще — коротко, отрывисто, по-мужски. Но иногда, когда был в настроении, он рассказывал истории — и тогда голос становился другим: тёплым, почти детским.

Пётр любил отца.

И ненавидел.

Любил за то, что тот был сильным. Ненавидел за то, что

эта сила могла обрушиться на них в любой момент.

Однажды отец принёс ему копилку.

Пётр уже лежал в кровати, когда отец вошёл, сел на край и достал из-за пазухи розового поросёнка. Пластмассового, блестящего, с нарисованной улыбкой.

— Вот, — сказал он. — Копи.

— Зачем?

— На мечту.

Он потрепал сына по голове и вышел.

Пётр держал поросёнка в руках. Тот был лёгкий. Пустой.

Но почему-то казался самым тяжёлым из всего, что у него было.

У Петра была огромная коробка с игрушками. Солдатики. Машинки. Резиновые звери. Всё валилось в одну кучу под кроватью.

Но поросёнку он нашёл другое место.

На подоконнике. В углу. Рядом с кактусом.

Поросёнок стоял там всегда. Даже когда в комнате меняли шторы. Даже когда переставляли мебель.

Пётр клал туда монеты. Иногда — просто так. Иногда — когда отец давал мелочь.

Поросёнок молчал.

Но Петру казалось, что он растёт.

Не от денег. От веры.

Теперь отец умер.

А поросёнок стоял на подоконнике и смотрел на Петра

нарисованным глазом.

Пётр не мог к нему прикоснуться.

В день похорон, стоя у гроба, Пётр вспомнил не то, что ожидал.

Не то, как отец катал его на плечах. Не то, как чинил велосипед.

А мелочь.

Однажды вечером отец вернулся с работы злой. Пётр что-то разбил — кажется, чашку. Отец резко встал, замахнулся. Но не ударил. Замер. Потом сел на корточки, взял Петра за плечи и сказал:

— Не бойся. Я не трону.

И ушёл на кухню. Долго сидел там, курил в темноте.

Пётр вспомнил это — и в груди стало горячо.

Отец был непредсказуемым.

У него были периоды, когда он становился тихим, чужим. Мог не разговаривать несколько дней. Сидел перед телевизором, смотрел в одну точку. Или уходил в гараж и возвращался поздно ночью, пропахший спиртным.

Пётр боялся этих дней больше, чем криков.

Когда отец кричал, это было страшно, но понятно. Громко, резко, с ударом кулака по столу. Мать в эти моменты сжималась, становилась маленькой. Пётр замирал.

Но хуже всего было, когда отец молчал. Это молчание висело в квартире, как туча перед грозой. Казалось, что вот-вот случится что-то плохое.

Однажды отец разбил об стену тарелку. Просто так. Не в Петра, не в мать — в стену. Потом долго смотрел на осколки. Сказал:

— Жизнь — дерьмо.

И ушёл в комнату.

Пётр запомнил эти слова. Не потому, что понял их, а потому, что они прозвучали как приговор.

Мать была другой.

Тихая. Усталая. С вечно поджатыми губами.

Пётр видел, как она вздрагивает, когда отец повышает голос. Как она замирает у плиты. Как она потом долго стоит у окна и курит, хотя раньше не курила.

Он жалел её.

Жалел, когда она плакала по ночам. Жалел, когда зашивала старую одежду. Жалел, когда улыбалась через силу.

Но на улице всё менялось.

Когда они шли в магазин, мать накидывала старую шаль. Сутулилась. Шаркала ногами.

Пётр старался идти чуть в стороне.

Если навстречу попадались одноклассники, он делал вид, что не с ней. Отставал. Или ускорял шаг.

Мать замечала. Но молчала.

Только один раз тихо сказала:

— Иди вперёд, Петенька. Я догоню.

И он пошёл.

Ему было стыдно.

Но он пошёл.

Дома он снова жалел её. А на улице — стыдился.

И это разрывало его.

Отец умер в гараже.

Ночью. Один.

Официально — сердце.

Но Пётр потом, через годы, по обрывкам разговоров, по бабушкиному молчанию, по тому, как она отводила глаза, поймёт: отец не умер.

Он ушёл сам.

Повесился на балке, которую сам когда-то приваривал.

А пока — ему десять. Он стоит у гроба и сжимает бабушкину руку.

— Ничего, Петенька, — шепчет она. — Прорвёмся.

Он верит. Ему больше некому верить.

Смотрит на заколоченный гроб и думает о том, что отец обещал научить его кататься на велосипеде.

Теперь уже не научит.

Вечером, после поминок, мать выходит в коридор. Пётр слышит, как скрипит рассохшийся паркет под её шагами. Она останавливается у велосипеда. Долго стоит. Потом достаёт откуда-то молоток.

Пётр не видит, но слышит.

Первый удар. Второй. Третий.

Металл гнётся, дерево трещит. Мать разбирает велосипед на части. Не потому, что злится. Не потому, что негде хра-

нить. А потому, что видеть его больно.

Пётр сидит в комнате, прижав колени к груди, и слушает, как умирает последнее обещание отца.

Потом он встаёт. Подходит к подоконнику.

Берёт поросёнка.

Держит в руках. Тот лёгкий. Пустой.

И вдруг — разбивает его об пол.

Осколки разлетаются по комнате. Монеты катятся в разные стороны.

Пётр стоит над ними.

Потом садится на пол и собирает монеты обратно. В кулак.

Долго сжимает.

И плачет.

Впервые за всё время после похорон.

За окном — дождь. Капли стекают по стеклу, обгоняя друг друга.

Пётр смотрит на них и ждёт знака.

Но небо молчит. Птицы не прилетают. Только ветер качает голые ветки.

Так и вышло.

Глава 2. Мама

Ему десять. Отец умер месяц назад. В квартире стало тихо. Иногда так тихо, что Пётр слышал, как у него растут волосы. Мать замкнулась. Бабушка взяла на себя всё: кухню, счета, похороны, Петины ссадины.

А ссадины были. Почти каждый день.

Пётр лез в драки, как в холодную воду — с разбега, с замиранием сердца. Он не был сильным. Он был злым. И эта злость заменяла ему мышцы.

Однажды его избили особенно жестоко. Трое. Он пришёл домой с разбитой губой, с чужой кровью под ногтями, с вырванным клоком рыжих волос на воротнике.

Мать встретила его в прихожей. Белая, как стена. Руки сцеплены на груди.

— Кто? — спросила она.

— Никто.

— Не ври мне.

Она подошла. Взяла за подбородок. Повернула к свету.

— Сколько их было?

— Трое.

— И ты полез?

— Они отняли у Славки деньги. И шапку. Я не мог пройти.

Мать опустила руку. Отвернулась.

— Раздевайся. Неси одежду в ванную.

Пётр стянул куртку. Брюки на коленях были чёрные от грязи. На рубашке не хватало пуговиц. Одна висела на нитке, качалась, как маятник.

В ванной пахло порошком и сыростью.

Мать тёрла ткань в тазу. Молча.

Пётр стоял босиком на ледяном кафеле. Холод шёл от ступней вверх, к позвоночнику.

— Они тебя били? — спросила мать, не оборачиваясь.

— Били.

— И что? Ты что, герой?

— Я не мог иначе.

— Мог! — Она резко повернулась. — Мог пройти мимо! Как все! Как я всю жизнь прохожу!

Пётр молчал.

— Ты хочешь, чтобы тебя убили? — Она не кричала. Говорила тихо. И от этого было хуже. — Чтобы я тебя хоронила, как отца?

— Это несправедливо, — сказал он.

— Справедливости нет, Петенька. Есть только то, что ты сам себе делаешь.

Это были бабушкины слова. Но из уст матери они звучали иначе. Как приговор.

Она села на край ванны. Закрыла лицо руками. Заплакала.

Пётр стоял рядом. Ему хотелось подойти. Обнять. Но он не умел.

— Ты такой красивый, — шептала она. — Такой красивый. А ходишь как оборванец. И я ничего не могу.

— Я сам, — сказал Пётр. — Я вырасту. Я заработаю. Куплю тебе всё.

Она покачала головой.

— Мне ничего не нужно. Только ты.

Она обняла его. Мокрая, дрожащая, холодная.

И сунула ему в карман оторванную пуговицу.

— Пришью, — сказала. — Обязательно пришью.

Он запомнил этот холод.

Он шёл от неё — и оставался в нём.

Через неделю мать отвела его к врачу.

Врач был старый, с тёплыми руками. Долго говорил с Петром. Задавал странные вопросы.

— Тебе снятся сны?

— Иногда.

— Какие?

— Про отца. Будто он сидит на кухне. И курит.

— Тебе страшно?

— Нет. Мне спокойно.

Врач помолчал. Потом разложил перед ним тесты. Картинки. Лабиринты. Задачи.

Пётр справился быстрее, чем врач переворачивал страницы.

— Ваш ребёнок очень одарённый, — сказал он матери. — Впечатлительный. Сложный. Но одарённый.

— Это хорошо?

— Это тяжело. Ему нужно дело. Руки. Иначе он сгорит.
Мать привела его в кружок.

Пахло канифолью и горелым пластиком. На столах — провода, платы, паяльники.

Руководитель, молодой парень в очках, протянул Петру пинцет.

— Попробуй.

Пётр взял паяльник. Руки дрожали.

Но когда жало коснулось контакта и поплыл запах олова, внутри что-то щёлкнуло.

Он впервые за долгое время почувствовал не злость. Покой.

Он стал ходить туда каждый день.

За два года он стал лучшим.

Руководитель говорил:

— У него талант. Настоящий. Такие раз в десять лет рождаются.

Пётр чинил магнитофоны соседям. Настраивал антенны. Собирал схемы, которые не собирали старшие ребята.

Его звали, когда что-то ломалось.

И он приходил.

Мать впервые за долгое время улыбалась. Настоящей улыбкой. Не через силу.

Пётр видел это.

И становился лучше.

Драки прекратились. Он больше не лез в чужие беды. Он стал тише, спокойнее, увереннее. В школе на него смотрели иначе. Девочки — с интересом. Мальчики — с осторожностью.

Он почти поверил, что всё наладится.

А потом мать умерла.

Не от сердца.

От инсульта.

Это случилось ночью. Она встала попить воды. Пошатнулась. Упала на кухне.

Пётр услышал грохот. Выбежал.

Она лежала на полу, у стола. Глаза открыты. Губы шевелятся, но слов нет.

— Мама! — крикнул он.

Она смотрела на него.

И, кажется, хотела что-то сказать.

Но не успела.

Бабушка вызвала скорую. Врачи приехали быстро. Но было поздно.

Ей было тридцать девять.

Пётр не заплакал.

Он сидел на кухне и смотрел на старую квитанцию, которую мать так и не оплатила.

Потом встал. Взял паяльник.

И пошёл в кружок.

Он не знал, куда ещё идти.

Ночью он лежал в темноте. Слушал, как бабушка ворочается за стеной.

В кармане — пуговица.

Он сжимал её.

И чувствовал, как внутри всё замерзает.

Не сразу. Постепенно. Слои за слоями.

Как олово на контакте.

Через неделю после похорон матери бабушка достала с антресолей старый альбом.

Тяжёлый, с потёртой обложкой, с чёрно-белыми фотографиями, которые пахли пылью и временем.

— Иди сюда, Петенька, — позвала она. — Посмотрим.

Пётр сел рядом. Бабушка раскрыла альбом на первой странице.

— Вот это твоя мама, — сказала она. — Здесь ей пять лет.

Пётр смотрел.

Маленькая девочка в белом платье стояла у забора. Волосы заплетены в косы. На лице — серьёзное, недетское выражение.

— Она всегда была серьёзной, — тихо сказала бабушка. — Даже в детстве.

Потом показала другую фотографию.

— А это твой папа. Молодой. Ещё до армии.

Пётр вглядывался.

Отец стоял у мотоцикла. Широко улыбался. Один глаз прищурен от солнца. Он был не похож на того человека, ко-

торого Пётр помнил. Не было в нём ни усталости, ни злости.

— Они познакомились на танцах, — сказала бабушка. — Папа твой пригласил маму. А она отказала.

— Почему?

— Гордая была. Но он не отступил. На следующий день пришёл с цветами. Потом ещё. И ещё.

Бабушка улыбнулась.

— Она сдалась через месяц.

Пётр смотрел на фотографию, где родители стояли вместе. Молодые. Счастливые.

И не мог понять, как эти люди превратились в тех, кого он знал.

— А ты? — спросил Пётр. — Расскажи про себя.

Бабушка перевернула страницу.

— Вот, — сказала она. — Это я. Двадцать лет.

С фотографии смотрела девушка с тёмными волосами и лёгкой улыбкой. Пётр не сразу узнал её.

— Красивая, — сказал он.

— Была, — усмехнулась бабушка. — А вот это твой дед.

Крупный мужчина в гимнастёрке. Лицо строгое, но глаза добрые.

— Он был хорошим, — сказала бабушка. — Работал на заводе. Всю жизнь. Руки у него были золотые.

— Как у меня?

— Лучше.

Она погладила фотографию.

— Мы прожили вместе тридцать два года. Он умер, когда твоя мама школу заканчивала.

— Ты скучаешь?

— Каждый день.

Бабушка закрыла альбом.

— Знаешь, Петенька, — сказала она. — Вот смотришь на эти лица — и будто они рядом. А потрогать нельзя.

Она вздохнула.

— Память — странная вещь. Держит крепче, чем руки.

Пётр молчал.

Он не знал, что сказать.

Но в тот вечер он впервые за долгое время не чувствовал себя одиноким.

Альбом бабушка оставила на столе.

Пётр иногда открывал его.

Смотрел на маму. На папу. На бабушку в молодости.

И пытался понять, где начинается та трещина, которая разрушила их жизни.

Он ещё не знал, что эта трещина уже проходит через него.

Глава 3. Бабушкина коробка

Ему двенадцать. Мать умерла три месяца назад. Бабушка снова лежит в больнице — сердце. Пётр дома один.

Квартира без неё кажется чужой. Слишком тихой. Слишком пустой. На кухне тикают часы, на плите остывает кастрюля с недоеденным супом. Пётр ходит из комнаты в комнату, не знает, чем заняться. Телевизор не работает — антенна сломалась ещё в прошлом году.

Он идёт на кухню. Открывает кран. Вода течёт, но он не пьёт. Просто смотрит, как струя бьётся о дно раковины.

Вчера во дворе он слышал, как одноклассники обсуждали новую игру. Она шла только на сенсорных экранах. Они смеялись, показывали друг другу скриншоты. Пётр стоял рядом и делал вид, что ему неинтересно. Но внутри всё сжалось.

У него старый кнопочный телефон. Тот, что бабушка нашла в шкафу. На нём можно звонить и писать смс. Всё.

Он знает, где бабушка хранит деньги. В жестяной коробке из-под печенья, на верхней полке кухонного шкафа. Знает, потому что видел, как она доставала оттуда купюры, когда платила за квартиру. Она всегда отворачивалась, будто стеснялась, и быстро прятала коробку обратно.

Он не собирался красть. Просто заглянуть. Просто узнать, сколько там.

Пётр пододвигает табуретку. Забирается. Тянется к шка-

фу. Пальцы нащупывают холодный металл. Он достаёт коробку, садится за стол.

Крышка снимается со скрежетом. В пустой квартире этот звук кажется оглушительным. Пётр замирает. Сердце бьётся где-то в горле.

Внутри — аккуратно сложенные пачки. Сотки, пятисотки, даже несколько тысячных. Купюры лежат ровно, перетянутые резинками. Пахнут старым железом и ванильным печеньем — дешёвым, из детства. К этому запаху примешивается другой: холодный пот, выступивший на висках.

Пётр смотрит на деньги. Они чужие. Они не его. Но вчерашний смех одноклассников звенит в ушах.

Он берёт пять тысяч. Резинка оставляет красный след на пальцах. Старые сотки шуршат мягко, как сухие листья.

Потом ещё три.

Потом ещё.

Он убеждает себя: «Я верну. Когда вырасту. Обязательно верну. Это не воровство. Это займ».

Он убирает коробку на место. Она становится подозрительно лёгкой. При малейшем движении звенит пустотой. Этот звон ещё долго будет преследовать его.

Табуретку ставит как было. Смотрит в зеркало — лицо бледное, глаза бегают. В кармане — деньги. Жгут бедро, как раскалённый уголёк.

На следующий день он едет в торговый центр. Долго ходит по рядам, приценивается. В одном из киосков видит смарт-

фон. Не новый, но приличный. Сенсорный, с хорошим экраном, с камерой. Такой, как у одноклассников.

Продавец — лысый мужик с золотым перстнем — улыбается:

— Отличный вариант. Новая модель. Почти не пользовались.

Он торопит. Закрывает собой витрину, пока считает деньги. Пётр замечает, как продавец нажимает кнопку включения — экран загорается ровно на секунду, показывая обои, и тут же гаснет.

— Заставка слетела, — говорит продавец. — Настроишь дома.

Пётр протягивает деньги. Продавец пересчитывает, кивает.

— Иди, пользуйся.

Домой Пётр летит как на крыльях. Ему кажется, что с этим телефоном он станет другим — заметным, современным, не хуже других. Что одноклассники наконец-то увидят его. Что девчонки обратят внимание.

Он садится на диван, включает. Экран загорается. На секунду появляется логотип. Потом — темнота.

Он пробует снова. Ничего.

Снова. Ничего.

Паника поднимается откуда-то снизу, из живота. Он трясёт телефон, жмёт на кнопки. Экран не включается.

На второй день смартфон умер окончательно.

Пётр несёт его в ремонт. Мастер — молодой парень в наушниках — вертит телефон в руках. Снимает крышку. Цокает языком.

— Реплика, — говорит он. — Даже не андроид. Внутри — старьё, перепаянное на скорую руку. Муляж с экраном от калькулятора.

— Может, можно починить?

— Нет. Тут только выбросить.

Пётр не заплакал. Он вышел из мастерской, сел на бордюр и долго смотрел на серое небо.

Сначала — онемение. Пустой взгляд. Холод камня сквозь джинсы.

Потом — физическая реакция. Он сжимает кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Челюсти сводит. В висках стучит.

И только потом прорывается злая, самоуничижительная усмешка сквозь зубы.

— Надо же быть таким лохом, — шепчет он.

Ему не жалко телефона. Ему стыдно. Стыдно перед бабушкой. Стыдно перед собой. Стыдно за то, что он, умный, осторожный, повёлся как последний дурак.

Он сжимает мёртвый смартфон в кулаке. Хочет разбить его об асфальт. Но не стал. Просто сунул в карман и пошёл домой.

По дороге он слышит карканье.

Ворона сидит на проводе, прямо над его головой. Смот-

рит на него. Потом открывает клюв и издаёт хриплый, противный звук. Не мистический. Обыденный. Гадкий.

Пётр смотрит на неё. Ворона не улетает.

— Что уставилась? — говорит он.

Ворона молчит. Потом срывается с провода и улетает.

Пётр идёт дальше. Ему кажется, что она забрала с собой последнее, что у него было.

Бабушка вернулась из больницы через две недели — похудевшая, бледная, с тёмными кругами под глазами. Первым делом полезла в шкаф. Долго гремела посудой, двигала кастрюли. Каждое движение давалось ей с трудом. Она тяжело дышала, опираясь рукой о край полки.

— Петенька, — позвала она. — Ты не видел тут коробку? Жестяную, из-под печенья.

Пётр сидел за столом, делал вид, что читает учебник. Сердце ухнуло вниз.

— Нет, — сказал он, не поднимая глаз. — А что?

— Да была тут. С деньгами. Не могу найти.

— Может, переложила куда?

— Не помню... Совсем память плохая стала.

Она ещё долго искала. Заглядывала под кровать, в шкаф, в кладовку. Пётр слышал, как она ворчит, перебирает вещи, двигает ящики.

А потом она села на кухне и замолчала.

Пётр осторожно заглянул. Бабушка сидела у окна, сложив руки на коленях, и смотрела в одну точку. Серый ноябрь-

ский полумрак делал её профиль почти прозрачным, болезненным. В её глазах была такая тоска, что у него перехватило дыхание.

— Бабуль, — тихо позвал он.

Она не ответила.

— Может, найдётся ещё.

Она медленно покачала головой.

— Нет, Петенька. Не найдётся.

Пётр вышел из кухни. Ему было плохо. Он чувствовал, как внутри поднимается что-то тёмное, липкое, удушливое. Это была вина.

Впервые он понял, что деньги пахнут виной.

А ещё он понял, что бабушка догадалась. Просто не сказала.

Она предложила ему путь к отступлению. Спасла его самолюбие.

И от этого было ещё тяжелее.

Бабушка больше никогда не спрашивала о коробке. Но каждый раз, когда Пётр заходил на кухню, он слышал, как звенит пустотой жестянка. Даже когда её там не было.

Этот звон остался с ним навсегда.

Ночью он лежал в темноте и сжимал в кулаке пуговицу матери.

Она была холодная.

Как всё, к чему он прикасался.

Глава 4. Бабушкина вера

Бабушка догадалась.

Пётр понял это не сразу. Она не кричала. Не спрашивала. Не устраивала допросов.

Просто однажды утром, через несколько дней после возвращения из больницы, она надела тёмный платок, взяла Петра за руку и сказала:

— Пойдём.

— Куда?

— К Богу.

Пётр хотел отказаться. Но не посмел.

В её голосе было что-то такое, от чего внутри всё сжалось.

Они вышли из дома молча.

Ноябрь. Слякоть. Серые пятиэтажки.

Бабушка шла медленно, тяжело дыша, но руку Петра не отпускала.

Он шёл рядом. Смотрел под ноги.

Ему было стыдно.

Не за кражу. За то, что бабушка знает.

Этот стыд был хуже любого наказания.

Церковь встретила их тишиной.

Они вошли, и Пётр почувствовал, как воздух изменился. Стал гуще. Теплее.

Пахло воском, ладаном и сырым деревом.

Полумрак. Мерцание свечей. Лики икон.

Бабушка подвела его к иконостасу.

— Постой здесь, — сказала она. — И посмотри.

Пётр поднял глаза.

С иконы на него смотрели строгие, но не злые лица. Они будто знали о нём всё. И молчали.

Бабушка встала рядом. Перекрестилась.

— Грех, Петенька, — тихо сказала она. — Он не в том, что ты взял. А в том, что перестал быть собой.

Пётр молчал.

— Деньги уходят. А душа остаётся. Если её испачкать — ничем не отмоешь.

Она повернулась к нему.

— Я не ругаю тебя. Не наказываю. Я хочу, чтобы ты сам понял.

Пётр смотрел на свечи.

Одна из них догорала. Пламя дрожало, как будто боялось погаснуть.

— Я не хотел, — прошептал он.

— Знаю. Но взял.

Она взяла его за подбородок. Повернула к себе.

— Пообещай мне. Больше никогда.

Пётр молчал.

— Обещай, — повторила она.

— Обещаю.

Бабушка перекрестила его.

— Ну вот. Теперь легче.

Она достала маленький серебряный крестик на тонкой цепочке.

— Это твой, — сказала она. — Носи.

Пётр надел.

Металл лёг на грудь, как ледышка.

— Он будет тебе напоминать.

— О чём?

— О том, кто ты есть.

Они стояли в церкви долго.

Бабушка молилась. Пётр просто смотрел.

Он не умел молиться. Но ему было спокойно.

Впервые за долгое время — по-настоящему спокойно.

Иногда начинал петь хор.

Негромко. Стройно.

Голоса поднимались под купол, отражались от стен, возвращались вниз, и казалось, что поёт не несколько человек, а сам воздух.

Пётр замирал.

Он не знал слов. Не понимал. Но слушал.

И в груди становилось светло.

Ему хотелось плакать. Не от горя. От чего-то другого.

Бабушка замечала это.

— Хорошо тебе? — спрашивала она.

— Да.

— Это Бог.

Пётр кивал.

Но не был уверен.

После службы они вышли на улицу.

Мир снаружи казался слишком громким. Слишком серым. Слишком чужим.

Пётр щурился. Привыкал.

— Ну что, — говорила бабушка. — Пошли домой?

Он брал её за руку.

И они шли через дворы — мимо ржавых качелей, мимо серых пятиэтажек, мимо людей, которые смотрели на них кто с жалостью, кто с усмешкой.

Пётр не обращал внимания.

Он всё ещё был там, в полумраке, среди свечей и голосов.

Вечером он сидел на кровати и трогал крестик на груди.

Тот был холодный.

Но почему-то грел.

Пётр снял его.

Потом снова надел.

И не знал, что делать с этим новым чувством.

Он ещё не понимал, что это и есть совесть.

Глава 5. Золото Маккены

Через неделю после того случая с коробкой Пётр нашёл на балконе старый телевизор.

Бабушка ещё до больницы говорила, что антенна сломалась, а сам телевизор «барахлит». Пётр тогда не придавал значения. Теперь, оставшись один, он решил посмотреть.

Телевизор стоял в углу, накрытый пыльной тряпкой. Старый, советский, с выпуклым экраном. Пётр откинул тряпку, протёр корпус. Подключил к розетке. Нажал кнопку.

Телевизор молчал.

Он снял заднюю крышку. Внутри ударил запах — нагретой пыли, перегоревшего пластика и озона. Пётр задержал дыхание. Потом взял отвёртку, фонарик и начал копаться.

Скрежет металлической отвёртки по ржавым шурупам. Глухой щелчок вытащенного предохранителя. Тяжёлая стеклянная колба лампы, всё ещё тёплая после попытки включения. Липкая старая изолента, оставляющая чёрные следы на пальцах.

Три часа он искал причину. Перебирал контакты, прозванивал провода, чистил от пыли. Нашёл сгоревший предохранитель. Заменял. Потом обнаружил, что антенный кабель перебит. Срастил. Замотал изолентой.

Наконец включил.

Экран вспыхнул. Сначала — помехи, шипение, белые по-

лосы. Потом — изображение. Чёткое, цветное.

Пётр сел на пол и уставился в экран. Он чувствовал странное удовлетворение. Он сделал это сам. Без взрослых. Без помощи. Он починил то, что считалось мёртвым.

По телевизору шло кино.

Пётр не сразу понял, какое. Он никогда его не видел. На экране мелькали всадники, пустыня, скалы. Потом появились индейцы. Их лица были раскрашены, в руках — копья и луки. Они смотрели на что-то с благоговением и страхом.

Потом показали золото.

Крупным планом — жёлтые слитки, рассыпанные по дну каньона. Они блестели на солнце, как застывший огонь. Индейцы стояли над ними и молчали.

— Это золото Маккены, — произнёс голос за кадром.

Гнусавый, слегка отстранённый. Голос переводчика той эпохи. Пётр слышал такие голоса много раз — они звучали из каждого второго импортного фильма. Но сейчас этот голос казался ему голосом самой судьбы.

Пётр замер.

Он не знал, кто такой Маккена. Не знал, что это за фильм. Но кадр врезался в него, как нож. Золото. Груды золота. Целый каньон, заваленный драгоценным металлом.

Свет от экрана падал на его лицо, окрашивая кожу в бронзовые тона. Комната исчезла. Остался только прямоугольник света и тишина квартиры вокруг.

Люди на экране сходили с ума. Они дрались, предавали,

убивали. Ради золота. Из-за золота. Оно лежало в пыли и манило, как магнит.

Пётр смотрел не отрываясь. Во рту пересохло. Кулаки сжались так, что побелели костяшки.

Он вспомнил бабушкину коробку. Вспомнил мёртвый смартфон. Вспомнил одноклассников с их дорогими телефонами. Вспомнил мать, которая плакала над старой рубашкой.

И впервые он подумал: «Вот оно. То, что решает всё. Деньги. Золото. Если оно у тебя есть — ты человек. Если нет — ты пустое место».

Фильм закончился. Экран погас.

Пётр моргнул. Комната показалась непроглядно чёрной. Он сидел в темноте, привыкая. Потом встал, подошёл к окну.

За окном — серый двор, ржавые качели, лужи после дождя.

Он смотрел на этот двор и видел не его. Он видел каньон, заваленный золотом. И себя — стоящего на краю.

Луч заходящего солнца отразился в разбитом стекле соседнего дома. Грязное окно вспыхнуло, как слиток. Рыжая ржавчина на качелях в свете фонаря казалась расплавленным металлом.

Природа сама подыгрывала его иллюзии.

Свет от включённого экрана телевизора всё ещё дрожал в воздухе. Он падал на стеклянную дверцу серванта, преломлялся и бросал на стену тень. Пётр увидел её краем глаза.

Тень напоминала птицу. С тремя зубцами на крыле. Но

контур был жёсткий, острый, хищный.

Тотем больше не охранял. Он оценивал силу.

Пётр смотрел на тень, пока она не растаяла.

Потом он опустил руку к груди.

Крестик.

Он лежал под рубашкой. Холодный.

Пётр сжал его в кулаке.

И вдруг — будто обжёгся.

Не металлом. Мыслью.

«Если золото — это власть, то зачем мне крест?»

Он снял крестик.

Долго держал в ладони.

Потом положил в коробку под кроватью. Туда, где лежали осколки поросёнка и пуговица матери.

И накрыл старой тряпкой.

Когда бабушка вернулась из больницы, Пётр сказал:

— Я починил телевизор.

Она не поверила. Подошла, включила. Экран загорелся.

— Господи, — прошептала она. — Руки у тебя золотые.

Она проверила звук. Громко ли? Не трещит? Поправила антенну, шурша фольгой. Телевизор для неё был чудом связи с миром, спасением от одиночества.

Пётр усмехнулся.

— Золотые, — повторил он. — Только пока без золота.

Бабушка не поняла. Но Пётр уже знал, чего хочет.

Он вышел на кухню. Поставил чайник. За окном темнело.

В голове крутились кадры из фильма. Каньон. Золото. Лица, искажённые жадностью.

И где-то глубоко, под всем этим, — тихий голос: «Я бы взял. Я бы не побоялся».

Он не знал, что этот голос останется с ним навсегда.

Ночью ему снился сон.

Он стоял на краю каньона. Внизу, на дне, лежало золото. Груды. Целые горы.

Пётр смотрел на них.

И вдруг понял, что рядом стоит отец.

— Ну что? — спросил отец. — Возьмёшь?

— А ты бы взял?

Отец усмехнулся.

— Я бы не спустился.

— Почему?

— Потому что внизу не только золото. Внизу — ты сам.

Пётр проснулся в холодном поту.

За окном — серое утро.

На груди пусто.

Крестик лежал в коробке.

И Петру вдруг стало холодно.

Глава 6. Школа

Ему тринадцать. Он переходит в седьмой класс.

После смерти матери Пётр стал тише. Не замкнулся — именно тише. Говорил мало, но по делу. Улыбался редко, но так, что девочки запоминали. Он уже не лез в драки. Но и не прятался. Шёл по коридору спокойно, как человек, который знает, куда идёт.

Учителя относились к нему по-разному. Одни — с уважением: мальчик умный, начитанный, с руками. Другие — с опаской: слишком взрослый взгляд для ребёнка.

Литераторша — пожилая, с усталыми глазами и тёплым голосом — выделяла его.

— Ковалёв, у тебя дар, — говорила она. — Ты чувствуешь слово.

Пётр писал сочинения лучше всех. Его тексты читали вслух. Девочки слушали. Мальчики завидовали.

Он снова начал верить, что может быть хорошим.

В том же году в классе появилась Лена.

Она была не из богатых. Обычная девочка из соседнего двора. Но с глазами, в которых было столько света, что Петру хотелось смотреть в них и молчать.

Они стали возвращаться вместе из школы.

Лена говорила. Пётр слушал. Иногда вставлял что-то смешное. Она смеялась.

С ней он становился другим.

Не тем, кем его видели. А тем, кем он хотел быть.

Добрым. Отзывчивым. Спокойным.

Он снова начал писать в дневник.

Не цифры. Слова.

«Сегодня Лена сказала, что у меня тёплый голос. Я шёл домой и улыбался. Как дурак».

«Она боится собак. А я теперь всегда иду с той стороны, где будка».

Он записывал это и чувствовал, как внутри что-то оттаивает.

В те дни он снова достал крестик.

Нашёл коробку под кроватью. Открыл.

Крестик лежал среди осколков поросёнка и пуговицы матери.

Пётр взял его. Подержал в ладони.

И надел.

Металл лёг на грудь. Холодный. Но не чужой.

Он носил его под рубашкой. Иногда трогал. Проверял.

С Леной было легко верить.

Но была и другая.

Алиса.

Она пришла позже. В середине года. Красивая, ухоженная, из новой высотки. С дорогим телефоном. С рюкзаком, который стоил, как бабушкина пенсия.

Она села за соседнюю парту.

И посмотрела на Петра.

Не так, как Лена. По-другому.

Оцениваяюще.

— Ты ведь тот самый, кто сочинения пишет? — спросила она.

— Ну.

— Прочитай мне как-нибудь.

Он не ответил.

Но внутри что-то ёкнуло.

Однажды Алиса пригласила его в гости.

— Проводи меня. Заодно покажу, как живу.

Он пошёл.

Огромная квартира. Светлая. Пахнет ванилью. Мебель — как в кино. На кухне — стол, за которым сидят её родители. Ухоженные. Спокойные. Улыбаются.

Ему налили суп.

Он попробовал.

И внутри всё оборвалось.

Это был тот самый суп. Куриный. С домашней лапшой. Как у бабушки.

Но здесь, в этой чужой роскоши, он показался Петру пресным. Или не суп — а сам Пётр стал другим.

Он отодвинул тарелку.

— Спасибо. Я не голоден.

Алиса удивилась.

— Вкусно же.

— Вкусно. Просто не хочется.

Он вышел из-за стола. Ушёл.

После этого случая что-то в нём переломилось.

Алиса стала его наваждением.

Она была не злой. Просто жила в другом мире. И этот мир манил Петра.

Он начал замечать, как одевается. Как выглядит его телефон. Какой у него рюкзак.

Лена всё ещё ждала его после школы.

Но Пётр теперь шёл рядом и молчал.

— Что с тобой? — спросила она однажды.

— Ничего.

— Ты изменился.

— Тебе показалось.

Она постояла. Потом тихо сказала:

— Мне не показалось.

И ушла.

Пётр не окликнул.

В тот вечер он снял крестик.

Не потому, что не верил.

А потому, что не хотел, чтобы Бог видел, что у него внутри.

Положил в коробку.

И сел за стол.

Достал дневник.

Открыл страницу, где писал про Лену.

Перечитал.

И вырвал.

Потом ещё одну.

И ещё.

Он рвал до тех пор, пока в тетради не остались только чистые листы.

На последней странице написал:

«Мне нужен хороший телефон».

И закрыл.

С того дня Пётр снова стал другим.

Он улыбался девочкам. Но по-другому. Как-то механически.

Он хорошо учился. Но без прежнего огня.

Он больше не писал сочинения. Литераторша вызывала его, просила, уговаривала.

— Ковалёв, что случилось?

— Ничего. Просто не хочу.

— Ты же любил.

— Любил. Теперь нет.

Он смотрел в окно.

В голове — только цифры.

Сколько стоит телефон. Куртка. Кроссовки. Сколько нужно, чтобы не выглядеть как оборванец.

Он ещё не знал, где возьмёт деньги.

Но знал: возьмёт.

Ночью ему снилась Лена.

Она стояла на остановке. В руках — тетрадь.
— Ты забыл, — говорила она. — Это твоё.
Пётр открывал тетрадь.
Там — пустые страницы.
И одна строчка:
«Мне нужен хороший телефон».

Глава 7. Чужой компьютер

Когда Пётру исполнилось шестнадцать, он уже подрабатывал: чинил соседям компьютеры, настраивал роутеры, ставил программы. Откладывал понемногу. Копил на ноутбук. На свой, не чужой.

В кружке он давно перерос всех. Руководитель говорил, что ему пора в город, на серьёзные курсы. Но денег не было. Поэтому Пётр учился сам. Ночью, при свете монитора, он читал форумы, смотрел tutorиалы, разбирал чужие схемы.

Он хотел хорошо одеваться. Хотел дорогой смартфон. Не потому, что был жадным. А потому, что устал быть пустым местом.

Лена больше не подходила. Алиса смотрела сквозь него. Одноклассники обсуждали новые модели, а он стоял в стороне и делал вид, что ему неинтересно.

Однажды вечером он листал доску объявлений и наткнулся на одно:

«Игровой ПК. Состояние идеальное. Продаю срочно — переезд за границу. Цена смешная».

Цена действительно была смешная — сорок тысяч. За такой системник можно было выручить сто, а то и больше. Пётр насторожился. Но любопытство пересилило.

Он позвонил. Трубку взяла женщина. Голос уставший, с лёгкой хрипотцой.

— Да, компьютер ещё продаётся. Приезжайте.

Он поехал через весь город. Адрес — окраина, старый панельный дом, обшарпанный подъезд. Дверь открыла женщина лет тридцати пяти, с бледным лицом и тёмными кругами под глазами. Одета в старый свитер, рукава закатаны. В глубине квартиры плакал ребёнок, второй топал по коридору.

— Проходите, — сказала она. — Компьютер в комнате.

Пётр прошёл. В прихожей — пустой крючок, где должна была висеть мужская куртка. Его отсутствие ощущалось физически. На полу — открытая клетчатая сумка, из которой торчал рукав детской зимней куртки.

В комнате — полумрак, шторы задёрнуты. На столе стоял системник, рядом — монитор, клавиатура. Возле стены — сложенные коробки. На столе — кружка с остывшим чаем, на боку — след от губ. Квартира напоминала перевалочный пункт: вещи собраны, жизнь упакована.

— Муж уехал, — сказала женщина, будто оправдываясь. — Мы к нему собираемся. Деньги нужны на билеты.

Пётр кивнул. Осмотрел системник. Внутри — топовая видеокарта, мощный процессор, два SSD. Реальная цена — тысяч сто, не меньше. Просили — сорок.

— Работает? — спросил он.

— Конечно. Муж месяц назад покупал.

Пётр включил. Компьютер загудел. В полумраке комнаты низкий гул вентиляторов звучал мощно, перекрывая плач ребёнка за стеной. Этот звук был голосом власти Петра над

ситуацией.

Он мог дать сорок тысяч — честную цену по объявлению. Но вместо этого он нахмурился, поцокал языком, потыкал пальцем в монитор.

Он смотрел не на экран. Он смотрел на отражение женщины в тёмном стекле. Видел, как меняется её лицо.

— Материнка сыпется, — соврал он. — Видите, зелёные полосы? Это память видеокарты отваливается. Южный мост греется так, что палец не держит. Ремонт тысяч двадцать встанет. Проще похоронить.

Он машинально потёр подушечку большого пальца о ноготь указательного — жест мастера, проверяющего наличие пыли. Это придало словам вес технической экспертизы.

Женщина побледнела.

— Но он же новый...

— Новый, но бракованный. Я вам двадцать дам. Не больше.

Она торговалась. Пётр стоял на своём. Он видел, как она смотрит на детей, на коробки, на пустые полки. Видел, как в её глазах борются надежда и отчаяние.

В итоге сошлись на двадцати пяти.

Женщина вздохнула.

— Забирайте.

Пётр достал деньги. Свернул пачку. Протянул ей.

Она взяла. Пересчитала. Медленно, шевеля губами. Потом сунула купюры куда-то в глубину одежды.

Пётр заметил, как дрожат не только её руки, но и уголки губ, когда она пытается сохранить достоинство.

— Спасибо, — тихо сказала она.

Пётр кивнул и вышел. За спиной хлопнула дверь.

Он нёс коробку домой и улыбался. Коробка пахла холодной пылью серверной, дешёвым пластиком и чужим домом. Этот запах вытеснял уют его собственной комнаты.

Внутри было липко, но он уговаривал себя: «Я не обманул. Я просто купил дёшево. Так делают все».

Дома он включил компьютер. Тот работал идеально. Никаких артефактов. Никакого перегрева. Всё было в порядке.

Пётр сидел перед монитором и смотрел на заставку. В груди было странное чувство — не радость, не стыд, а что-то среднее. Он получил то, что хотел, но заплатил за это не деньгами, а чем-то другим.

Чем-то, чему он ещё не знал названия.

А ещё он понял главное: страх делает людей слепыми. И этот страх теперь лежал в его кармане вместе с пятью тысячами разницы. Люди боятся непонятных слов больше, чем кулаков. Эта власть была слаще скорости процессора.

В тот вечер он вышел на балкон.

Закурил. Впервые в жизни.

Дым обжёг горло. Голова закружилась.

Он смотрел на серые пятиэтажки, на ржавые качели, на лужи.

И думал об Алисе.

О её квартире. О её супе. О её родителях.

Он хотел туда. В тот мир.

И теперь у него был первый кирпич.

Перед сном он подошёл к коробке под кроватью.

Достал крестик.

Подержал в руке.

Не надел.

Но и не выбросил.

Просто положил обратно.

И накрыл тряпкой.

Ночью ему снился сон. Пустой каньон. Золото, рассыпанное по дну. Люди ушли, убив друг друга ради него. Остался только жёлтый металл, валяющийся в грязи.

Золото осталось. Но оно было проклято одиночеством.

Пётр проснулся в холодном поту. Простыня влажная и ледяная. Горло пересохло.

Тело наказало его за ложь раньше, чем успела совесть.

Он лежал в темноте и смотрел в потолок.

Потом встал. Подошёл к зеркалу.

Включил свет.

Из зеркала на него смотрел красивый парень. С чистой кожей. С ясными глазами. С лёгкой, почти незаметной улыбкой.

Пётр смотрел на него.

И не узнавал.

Где-то глубоко, под этим лицом, жил кто-то другой.

Сгорбленный. Старый. С тёмными кругами под глазами.
Пётр выключил свет.
И вернулся в кровать.

Глава 8. Макс

Через два месяца после той покупки ему написал незнакомец.

Пётр сидел вечером за компьютером, разбирал чужие ноутбуки, чистил системники. Гудел дешёвый кулер блока питания. Щёлкали клавиши старой механической клавиатуры. Экран монитора отбрасывал синеватый свет на лицо, делая его похожим на мертвеца.

На форуме по разгону видеокарт мигнуло уведомление — личное сообщение.

Писал парень под ником Мах1988. Представился Максом.
— Привет. Видел твои комментарии. Грамотный подход. Есть тема. Нужен парень с головой. Плачу процент.

Пётр насторожился. Но любопытство пересилило.

— Что за тема?

— Онлайн-магазин электроники. Заказы, возвраты, подмена трекинга. Нужен человек, который будет сидеть на прокси, менять IP, отбивать блокировки. Ты, судя по всему, шаришь.

Пётр откинулся на спинку стула. Внутри зазвенел колокольчик. Он понимал, что это незаконно. Но деньги... Деньги решали всё.

— Сколько? — спросил он.

— Пять за первый заказ. Дальше — больше.

Пётр согласился.

Перед первым выходом в сеть он снял крестик.

— Нечего Богу смотреть, — тихо сказал он.

И положил его в ящик стола.

Суть оказалась проста. Он садился вечером, включал прокси, менял IP, заходил в панель магазина, отбивал блокировки, подменял трекинг-номера. Ничего сложного. Работа на пару часов.

Но в первую ночь он не мог оторваться от экрана. Во рту пересохло. Он постоянно пил остывший чай. Вздрагивал от каждого звука в подъезде — шаги соседа, хлопок входной двери. Ждал стука в дверь.

Никто не пришёл.

Макс заплатил. Сначала — пять тысяч. Потом — десять. Потом — двадцать.

Это были лёгкие деньги. Такие, о которых Пётр мечтал. Он купил новые кроссовки. Не китайские с рынка, а настоящие. Потом — нормальную куртку. Потом — телефон, на этот раз работающий.

Бабушка подозрительно посмотрела на кроссовки.

— Откуда?

— Клиент один старый отдал, — небрежно бросил Пётр.
— Вместо оплаты. Всё равно выкидывать.

Она поверила. Потому что хотела верить.

В школе на него снова стали смотреть.

Девочки — с интересом. Мальчики — с завистью.

Алиса однажды подошла сама.

— Ты изменился, — сказала она.

— В какую сторону?

— В лучшую. Одежда, телефон... Ты стал другим.

Пётр усмехнулся.

— Я всегда был таким.

Она покачала головой.

— Нет. Раньше ты был... невидимкой.

Он смотрел ей вслед.

И чувствовал, как внутри что-то растёт.

Не радость.

Власть.

Лена больше не подходила.

Однажды он увидел её на остановке. Она стояла с тетрад-
кой, прижимая её к груди.

Пётр прошёл мимо.

— Привет, — тихо сказала она.

— Привет.

— Ты звонил... я ждала.

— Было много дел.

— Я понимаю.

Она помолчала.

— Ты стал красивым. Но глаза у тебя другие.

— Какие?

— Пустые.

Пётр не ответил.

Подошёл автобус. Лена села. Двери закрылись.

Он стоял на остановке и смотрел, как автобус увозит её в серый ноябрьский вечер.

Через месяц Макс предложил «крупную партию».

— Закупим телефоны, раскрутим схему, вернём втрое. Твои вложения удвоятся за неделю.

Пётр отдал всё, что накопил. И ещё занял у соседа, Сергея Викторовича, — пожилого одинокого пенсионера, жившего этажом ниже. Пётр слышал, как тот медленно шаркает тапочками по потолку, включает телевизор на полную громкость.

Сергей Викторович достал мятые сотни из жестяной коробки из-под чая. Протянул. Руки у него дрожали.

— Надо, — говорил Пётр. — Верну через месяц.

Пенсионер вздыхал, но давал. Он верил Петру. Они все верили.

Когда Пётр взял эти деньги, его замутило. Стыд пробился сквозь броню цинизма. Но он подавил его. Засунул купюры в карман и вышел.

Через месяц Макс исчез.

Вместе с деньгами, товаром и всеми аккаунтами.

Пётр писал ему, звонил, искал. Пусто. Чат удалён. Номер заблокирован. Форум молчал.

Он сидел в комнате, смотрел в монитор. Внутри — пустота. Не из-за денег. Из-за того, что он снова попался. Как лох. Как те люди, которых он сам обманывал.

Он встал, подошёл к окну. За окном — ноябрь, слякоть, тёмные пятиэтажки. На фонарном столбе сидела ворона. Неподвижная. Силуэт чётко выделялся на фоне серого неба.

Пётр смотрел на неё. Птица больше не была хранителем. Теперь она была разведчиком. Наблюдателем, который фиксирует всё сверху.

— Я их найду, — прошептал он. — Найду и накажу.

Впервые он произнёс это вслух. И впервые почувствовал не ярость, а холодную, расчётливую решимость.

Он вернулся к столу. Механически протёр экран монитора специальной салфеткой — привычка мастера. Закрыв все вкладки браузера. Сел ровно.

Этот бытовой ритуал очистки пространства совпал с очисткой эмоций. Слез больше не осталось. Только архитектура будущего поиска.

Он начал изучать взлом. Не для развлечения — для дела. Ночью ему снова снился каньон.

Золото лежало на дне. Но теперь рядом стоял он сам. Красивый. Уверенный. В дорогой куртке. С новым телефоном.

А внизу, под золотом, лежал кто-то сгорбленный. Старый. С лицом Петра.

И этот старик открывал рот.

Но вместо слов — только цифры.

Глава 9. Учёба на взломщика

Он начал с нуля.

Пётр не был гением. Он был упрямым. Это упрямство заменяло ему талант, учителей и дорогие курсы.

Он вставал в шесть утра. До школы — час за компьютером. После школы — ещё три. Вечером — до полуночи.

К утру буквы на экране начинали двоиться. Он тёр глаза так сильно, что под веками вспыхивали белые пятна. Синяя засветка монитора въедалась в кожу лица, делая его похожим на мертвеца при дневном свете.

Он изучал взлом. Не для развлечения — для дела.

Читал форумы. Смотрел tutorиалы. Ставил виртуальные машины, тренировался на собственных устройствах. Поначалу ничего не получалось. Он злился, бросал, снова садился.

Тишина квартиры становилась оглушительной. Он слышал гул крови в ушах громче, чем щелчки клавиатуры. Онемение копчика от жёсткого стула. Судорога в мизинце левой руки от постоянного нажатия горячих клавиш.

Через месяц он взломал свой первый учебный стенд. Это был старый роутер, специально настроенный с уязвимостью.

Экран мигнул один раз перед тем, как выдать строку доступа. Для Петра это мигание прозвучало как удар сердца системы.

Появился пригласительный знак чужой системы.

Он инстинктивно задержал дыхание, словно боялся спугнуть удачу звуком выдоха. Старый роутер под нагрузкой запах горячей пылью и электричеством. Этот запах стал для него запахом власти.

Он сидел и смотрел на этот знак. Внутри было странное чувство — смесь восторга и страха. Он понял, что может. Что у него получается.

Дальше пошло быстрее.

Через полгода он вышел на сеть Макса. Это был не один человек — целая структура. Кураторы, вербовщики, технические исполнители. Базы данных, подставные карты, одно-разовые сим-карты.

Пётр не пошёл в полицию. Он решил иначе.

Три недели он взламывал их защиту. Тихо, аккуратно, не оставляя следов.

Монохромные чёрные экраны терминалов с зелёным текстом. Минимализм кода. Он печатал вслепую, почти неслышно. В квартире только этот мягкий стук клавиш и шум кулера.

Пустые кружки из-под растворимого кофе выстраивались в ряд у системного блока. Он забывал поесть. Иногда выходил на балкон, делал короткие, злые затяжки, возвращался.

Он научился читать их переписки, отслеживать переводы, находить слабые места.

Потом — заблокировал счета. Все. В нескольких банках

сразу.

Никаких взрывающихся иконок. Просто сухие строки логов:

[STATUS: FROZEN]

[REASON: SUSPECTED FRAUD]

Эта административная рутина пугала мошенников гораздо больше, чем открытый грабёж.

Он не крал деньги. Он заморозил всё, парализовал схему, оставил их с пустыми картами и паникой.

Но перед блокировкой он сделал то, что казалось ему единственно правильным: **вернул деньги жертвам**. Тем, кого нашёл по базам. Перевёл обратно на их карты — анонимно, мелкими суммами, не оставляя следов.

Он не крал. Он восстанавливал.

И всё же, когда последний перевод ушёл, внутри что-то неприятно сжалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.